

Ө. М. ДОСТОЕВСКІЙ.

ЧУЖАЯ ЖЕНА

и

МУЖЪ ПОДЪ КРОВАТЮ.

(происшествіе необыкновенное.)

I.

дѣлайте одолженіе, милостивый государь, позвольте васъ просить.... Прохожій вздрогнулъ и нѣсколько въ испугѣ взглянулъ на господина въ енотахъ, приступившаго къ нему такъ безъ обиняковъ, въ восьмомъ часу вечера, среди улицы. А ужъ извѣстно, что если одинъ петербургскій господинъ вдругъ заговоритъ на улицѣ о чемъ нибудь съ другимъ, совершенно незнакомымъ ему господиномъ, то другой господинъ непременно испугается.

И такъ, прохожій вздрогнулъ и нѣсколько испугался.

— Извините, что я васъ потревожилъ, говоритъ господинъ въ енотахъ:—но я... я, право, не знаю.... вы, вѣроятно, извините меня; вы видите, я въ нѣкоторомъ разстройствѣ духа....

Тутъ только замѣтилъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, что господинъ въ енотахъ былъ точно въ разстройствѣ. Его сморщенное лицо было довольно блѣдненько, голосъ его дрожалъ, мысли очевидно сбивались, слова не лѣзли съ языка, и видно было, что ему ужаснаго труда стоило согласить покорнѣйшую просьбу, можетъ быть, къ своему низшему въ отношеніи степени или сословія лицу, съ нуждою непременно обратиться къ кому нибудь съ просьбой: Да и наконецъ, просьба эта во всякомъ случаѣ была неприличная, несолидная, странная со стороны человѣка, имѣвшаго такую солидную шубу, такой почтенный, превосходнаго томнозеленаго цвѣта фракъ, и такія многозначительныя украшенія, упещравшія этотъ фракъ. Видно было, что все это смущало

самого господина въ енотахъ, такъ что, наконецъ, разстроенный духомъ, господинъ не выдержалъ, рѣшился подавить свое волненіе и прилично замять неприятную сцену, которую самъ же вызвалъ.

— Извините меня, я не въ себѣ; но вы, правда, меня не знаете.... Извините, что обезпокоилъ васъ; я раздумалъ.

Тутъ онъ приподнялъ изъ учтивости шляпу и побѣжалъ далѣе.

— Но позвольте, сдѣлайте милость.

Маленькій человѣкъ, однако, скрылся во мракѣ, оставивъ въ остолбенѣломъ состояніи господина въ бекешѣ.

„Что за чудакъ!“ подумалъ господинъ въ бекешѣ. Потомъ, какъ слѣдуетъ, подивившись и вышедъ наконецъ изъ остолбенѣлаго состоянія, онъ вспомнилъ про свое и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, пристально глядя на ворота одного безконечно этажнаго дома. Начиналъ падать туманъ, и молодой человѣкъ нѣсколько обрадовался, ибо прогулка его при туманѣ была незамѣтна, хотя, впрочемъ, только какой нибудь безнадежно весь день простоявшій извозчикъ могъ замѣтить ее.

— Извините!

Прохожій опять вздрогнулъ: опять тотъ-же господинъ въ енотахъ стоялъ передъ нимъ.

— Извините, что я опять..... заговорилъ онъ: — но вы, вы — вѣрно, благородный человѣкъ! Не обращайтесь на меня вниманія, какъ на лицо, взятое въ общественномъ смыслѣ; я, впрочемъ, сбиваюсь; но вникните, по человѣчески..... передъ вами, сударь, человѣкъ, нуждающійся въ покорнѣйшей просьбѣ.....

— Если могу..... что вамъ угодно?

— Вы, можетъ, думали, что ужъ я у васъ денегъ прошу! сказала таинственный господинъ, кривя ротъ, истерически смѣясь и блѣднѣя.

— Помилуйте-съ.....

— Нѣтъ, я вижу, что я вамъ въ тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня въ разстроенномъ состояніи духа, почти въ сумасшествіи и не заключите чего нибудь.....

— Но, къ дѣлу, къ дѣлу! отвѣчала молодой человѣкъ, одобрительно кивнувъ головой.

— А! Теперь вотъ какъ! Вы, такой молодой человѣкъ, мнѣ напоминаете о дѣлѣ, какъ будто я какой нерадивый мальчишка! Я рѣшительно выжилъ изъ ума! Какъ я вамъ кажусь теперъ въ моемъ униженіи, скажите откровенно?

Молодой человѣкъ сконфузился и смолчалъ.

— Позвольте васъ спросить откровенно: не видали-ль вы одной дамы? Въ этомъ вся просьба моя! рѣшительно проговорилъ, наконецъ, господинъ въ енотовой шубѣ.

— Дамы?

— Да-съ, одной дамы.

— Я видѣлъ..... но ихъ, признаюсь, такъ прошло много.....

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ таинственный человѣкъ съ горькой улыбкой.

— Я сбиваюсь, я не то хотѣлъ спросить, извините меня; я хотѣлъ сказать, не видали-ль вы одной госпожи въ лилеѣмъ салопѣ, въ темномъ бархатномъ капорѣ съ черной вуалю?

— Нѣтъ, такой не видалъ..... нѣтъ, кажется, не замѣтилъ.

— А! въ такомъ случаѣ, извините-съ!

Молодой человѣкъ хотѣлъ что-то спросить, но господинъ въ енотахъ опять исчезъ, опять оставивъ въ ошеломленномъ состояніи своего терпѣливаго слушателя. „А чортъ бы его взялъ!“ подумалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, очевидно разстроенный.

Онъ съ досадою закрылся бобромъ и опять сталъ прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо воротъ безконечно-этажнаго дома. Онъ злился.

Что-жъ она не выходитъ? думалъ онъ: — скоро восемь часовъ!

На башнѣ пробило восемь часовъ.

— Ахъ! чортъ васъ возьми, наконецъ!

— Извините-съ!

— Извините меня, что я васъ такъ..... Но вы такъ подкатились мнѣ подъ ноги, что испугали совѣмъ, проговорилъ прохожій, морщась и извиняясь.

— Вы торопитесь? Видите-ли-съ. Я вамъ все расскажу откровенно, безъ лишнѣхъ словъ. Что жъ дѣлать! Обстоятельства связываютъ иногда людей совершенно разнородныхъ характеровъ..... Но я вижу, вы нетерпѣливы, молодой человѣкъ..... Такъ вотъ-съ..... впрочемъ, я не знаю, какъ и говорить: я ищу даму-съ (я ужъ рѣшился все говорить). Я именно долженъ знать, куда пошла эта дама? Кто она — я думаю, вамъ не нужно знать ея имени, молодой человѣкъ.

— Ну-съ, ну-съ, дальше.

— Дальше! Но вашъ тонъ со мной! Извините, можетъ быть, я васъ оскорбилъ, назвавъ васъ молодымъ человѣкомъ, но я не имѣлъ ничего..... однимъ словомъ, если вамъ угодно оказать мнѣ величайшую услугу, такъ вотъ-съ, одна дама-съ, т. е. я хочу сказать порядочная женщина, изъ превосходнаго семейства, моихъ знакомыхъ..... мнѣ поручено.... я, видите-ли, самъ не имѣю семейства.....

— Ну-съ.

— Вникните въ мое положеніе, молодой человѣкъ (ахъ, опять! извините-съ; я все называю васъ молодымъ человѣкомъ). Каждая минута дорога..... Представьте себѣ, эта дама..... но не можете-ли вы мнѣ сказать, кто живетъ въ этомъ домѣ?

— Да..... тутъ много живутъ.

— Да, т. е. вы совершенно справедливы, отвѣчалъ господинъ въ енотахъ, слегка засмѣявшись для спасенія приличій: — чувствую, я немного сбиваюсь..... но къ чему такой тонъ вашихъ словъ? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что

сбиваюсь, и если вы надменный человекъ, то ужъ вы достаточно видѣли мое униженіе.... Я говорю, одна дама, благороднаго поведенія, т. е. легкаго содержанія, — извините, я такъ сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вотъ — выдумали, что Поль-де-Кокъ легкаго содержанія, а вся бѣда отъ Поль-де-Кюка-то-съ... вотъ!.....

Молодой человекъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на господина въ енотахъ, который, казалось, окончательно сбился, замолчалъ, глядѣлъ на него бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою безъ всякой видимой причины, хваталъ его за лацканъ бекеши.

— Вы спрашиваете, кто здѣсь живетъ? спросилъ молодой человекъ, нѣсколько отступая назадъ.

— Да, многіе живутъ, вы сказали.

— Здѣсь.... я знаю, что здѣсь Софья Остафьевна тоже живетъ, проговорилъ молодой человекъ шопотомъ и даже съ какимъ-то соболѣзнованіемъ.

— Ну, вотъ видите! вы что-нибудь знаете, молодой человекъ?

— Увѣряю васъ, нѣтъ, ничего не знаю... Я судилъ по разстроенному вашему виду.

— Я тотчасъ узналъ отъ кухарки, что она сюда ходитъ; но вы не на то напали, т. е. не къ Софьѣ Остафьевнѣ... она съ нею незнакома....

— Нѣтъ? ну извините-съ.

— Видно, что вамъ все это не интересно, молодой человекъ, проговорилъ странный господинъ съ горькой ироніей.

— Послушайте, сказалъ молодой человекъ, заминаясь — я въ сущности не знаю причины вашего состоянія, но вамъ вѣрно измѣнили, вы скажите прямо?

Молодой человекъ одобрительно улыбнулся.

— Мы, по крайней мѣрѣ, поймемъ другъ друга, прибавилъ онъ, и все тѣло его великодушно обнаружило желаніе сдѣлать легкій полу-поклонъ.

— Вы убили меня! но — откровенно признаюсь вамъ — именно такъ.... но съ кѣмъ не случается! До глубины тронуть вашимъ участіемъ. Согласитесь, между молодыми людьми .. Я хоть не молодъ, но знаете, привычка, холостая жизнь, между холостежью, извѣстно....

— Ну, ужъ извѣстно, извѣстно! Но чѣмъ-же я могу вамъ помочь?

— А вотъ-съ; согласитесь, что посѣщать Софью Остафьевну.... Впрочемъ, я еще незнаю навѣрно, куда пошла эта дама; я знаю только, что она въ этомъ домѣ; но, видя васъ прогуливающимся — а я самъ прогуливался по той сторонѣ — думаю.... я, вотъ, видите-ли, жду эту даму.... я знаю, что она тутъ — мнѣ бы хотѣлось встрѣтить ее и объяснить, какъ неприлично и гнусно.... однимъ словомъ, вы меня понимаете....

— Гм! Ну!

— Я и не для себя это дѣлаю; вы не подумайте — это чужая жена! Мужъ тамъ стоитъ, на Вознесенскомъ мосту; онъ хочетъ поймать, но онъ не рѣшается — онъ еще

не вѣрить, какъ и всякій мужъ..... (тутъ господинъ въ еботахъ хотѣлъ улынуться), я — другъ его; согласитесь сами, я человѣкъ, пользующійся нѣкоторымъ уваженіемъ, я немогу быть тѣмъ, за кого вы меня принимаете.

— Конечно-съ; ну-съ, ну-съ!...

— Такъ вотъ, я все ее ловлю; мнѣ поручено-съ (несчастнѣйшій мужъ!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вѣчно Поль-де-Кокъ подъ подушкой); я увѣренъ, что она прошмыгнетъ какъ нибудь незамѣтно.... Мнѣ, признаюсь, кухарка сказала, что она ходитъ сюда; я какъ сумасшедшій бросился, только что извѣстіе получилъ; я хочу поймать; я давно подозрѣвалъ, и потому хотѣлъ просить васъ, вы здѣсь ходите.... вы — вы — я незнаю....

— Ну, да, наконецъ, что жъ вамъ угодно?

— Да-съ... Не имѣю чести знать васъ; не смѣю любопытствовать, кто и какъ.... Во всякомъ случаѣ, позвольте познакомиться; пріятный случай!...

Дрожащій господинъ жарко потрясъ руку молодого человѣка.

— Это бы я долженъ былъ сдѣлать въ самомъ началѣ, прибавилъ онъ: — но я забылъ все приличіе!

Говоря, господинъ въ еботахъ не могъ постоять на мѣстѣ, съ безпокойствомъ оглядывался по сторонамъ, сѣменилъ ногами, и поминутно, какъ погибающій, хватался рукою за молодого человѣка.

— Видите-ли-съ, продолжалъ онъ, я хотѣлъ обратиться къ вамъ по дружески.... извините за вольность.... хотѣлъ попросить у васъ, чтобъ вы ходили по той сторонѣ и со стороны переулка, гдѣ черный выходъ, эдакъ, *покоемъ*, описывая букву П, то есть. Я тоже съ своей стороны буду ходить-съ у главнаго подъѣзда, такъ что мы не пропустимъ; а я все боялся одинъ пропустить; я не хочу пропустить. Вы, какъ увидите ее, то остановите и закричите мнѣ.... Но я сумасшедшій! Только теперь вижу всю глупость и неприличіе моего предложенія!

— Нѣтъ, что-жъ! Помилуйте! ..

— Не извиняйте меня; я въ разстройствѣ духа, я теряюсь, какъ никогда не терялся! Точно меня подъ судъ отдали! Я даже признаюсь вамъ — я буду благороденъ и откровененъ съ вами, молодой человѣкъ: я даже васъ принималъ за любовника!

— То есть, по просту, вы хотите знать, что я здѣсь дѣлаю?

— Благородный человѣкъ, милостивый государь, я далекъ отъ мысли, что вы *онъ*; я не замараю васъ этою мыслию, но... но даете ли вы мнѣ честное слово, что вы не любовникъ? ..

— Ну, хорошо, извольте честное слово, что любовникъ, но не вашей жены; иначе бы я не былъ на улицѣ, а былъ-бы теперь вмѣстѣ съ нею!

— Жены? Кто вамъ сказалъ жены, молодой человѣкъ? Я холостой, я, то есть, самъ любовникъ....

— Вы говорили, есть мужъ.... на Вознесенскомъ мосту....

— Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другія ўзы! И согласитесь, молодой человѣкъ, нѣкоторая легкость характеровъ, то есть.....

— Ну, ну! хорошо, хорошо!....

— То есть, я вовсе не мужъ.....

— Очень вѣрно-съ. Но откровенно говорю вамъ, что, разувѣряя васъ теперь, хочу самъ себя успокоить, и оттого собственно съ вами и откровененъ; вы меня разстроили и мѣшаете мнѣ. Обѣщаю вамъ, что кликну васъ. Но прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ мѣсто и удалиться. Я самъ тоже жду.

— Извольте, извольте-съ, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпѣніе вашего сердца. Я понимаю это, молодой человѣкъ. О, какъ я теперь понимаю!

— Хорошо, хорошо.....

— До свиданія!.... Впрочемъ, извините, молодой человѣкъ, я опять къ вамъ.... Я незнаю, какъ сказать..... Дайте мнѣ еще разъ честное и благородное слово, что вы не любовникъ!

— Ахъ, Господи, Богъ мой!

— Еще вопросъ, послѣдній: вы знаете фамилію мужа вашей..... т. е. той, которая составляетъ вашъ предметъ?

— Разумѣется, знаю; не ваша фамилія и конечно дѣло!

— А почему-жъ вы знаете мою фамилію?

— Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдетъ тысячу разъ.... Ну, что-же вы? Ну, ваша въ лишемъ салопѣ и въ капорѣ, а моя въ клѣтчатомъ плащѣ и въ голубой бархатной шляпкѣ.... Ну, что жъ вамъ еще? чего жъ больше?

— Въ голубой бархатной шляпкѣ! У ней есть и клѣтчатый плащъ и голубая шляпка, закричалъ неотвязчивый человѣкъ, мигомъ возвратившись съ дороги.

— Ахъ, чортъ возьми! Ну, да вѣдь это можетъ случиться.... Да, впрочемъ, что жъ я! Моя-же туда не ходить!

— А гдѣ она — ваша?

— Вамъ это хочется знать; что жъ вамъ?

— Признаюсь, я все про то....

— Фу! Богъ мой! Да вы безъ стыда безъ всякаго! Ну, у моей здѣсь знакомые, въ третьемъ этажѣ, и окна на улицу. Генераль....

— Генераль?

— Генераль. Я вамъ, пожалуй, скажу какой генераль: ну, генераль Половицынъ,

— Вотъ тебѣ на! Нѣтъ, это не тѣ! (Ахъ, чортъ возьми! чортъ возьми!)

— Не тѣ?

— Не тѣ.

Оба молчали и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга.

— Ну, чтожъ вы такъ смотрите на меня? вскрикнулъ молодой человѣкъ, съ досадою отряхая съ себя столбнякъ и раздумье. — Господинъ заметался.

— Я, я, признаюсь...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнѣе. Общее дѣло. Объясните мнѣ... Кто у васъ тамъ?...

— То есть знакомые?...

— Да, знакомые....

— Вотъ видите, видите! Я по глазамъ вашимъ вижу, что я угадалъ!

— Чортъ возьми! да нѣтъ же, нѣтъ, чортъ возьми! Слепы вы, что ли? вѣдь я передъ вами стою, вѣдь я не съ ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочемъ, мнѣ все равно; хоть говорите, хоть нѣтъ!

Молодой человѣкъ въ бѣшенствѣ повернулся два раза на каблукъ и махнулъ рукой.

— Да я ничего, помилуйте, какъ благородный человѣкъ, я вамъ все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она имъ родня; я и не подозрѣвалъ; вчера встрѣчаю его превосходительство: говорить, что ужъ три недѣли, какъ переѣхалъ отсюда на другую квартиру, а же.... т. е. не жена, а чужая жена (на Вознесенскомъ мосту), эта дама говорила, что еще третьяго дня была у нихъ, т. е. на этой квартирѣ... А кухарка-то мнѣ рассказала, что квартиру его Превосходительства снялъ молодой человѣкъ Бобылицынь....

— Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми!

— Милостивый государь, я въ страхъ, я въ ужасъ!

— О, чортъ возьми! да мнѣ-то какое дѣло до того, что вы въ страхъ и въ ужасъ?

Ахъ! вонъ-вонъ мелькнуло, вонъ....

— Гдѣ? гдѣ? вы только крикните: Иванъ Андреичъ, а я побѣгу....

— Хорошо, хорошо. Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми, Иванъ Андреичъ!

— Здѣсь, закричалъ воротившійся Иванъ Андреичъ, совѣмъ задыхаясь. Ну, что? что? гдѣ?

— Нѣтъ, я только такъ.... я хотѣлъ знать, какъ зовутъ эту даму?

— Глаф....

— Глафира?

— Нѣтъ, не совѣмъ Глафира.... Извините, я вамъ не могу сказать ея имя. Говоря это, почтенный человѣкъ былъ блѣденъ, какъ платокъ.

— Да, конечно, не Глафира, я самъ знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а, впрочемъ, съ кѣмъ же она?

— Гдѣ?

— Тамъ! Ахъ, чортъ возьми, чортъ возьми! (Молодой человѣкъ не могъ устоять на мѣстѣ отъ бѣшенства).

— А, видите! почему же вы знали, что ее зовутъ Глафирой?

— Ну, чортъ возьми, наконецъ! еще съ вами возня! Да вѣдь вы говорите вашу не Глафирой зовутъ!...

— Милостивый государь, какой тонъ!

— А, чортъ, не до тону! Что она, жена, что-ли ваша?

— Нѣтъ, т. е. я не женатъ.... Но не сталь бы я сулить почтенному человѣку въ несчастіи, человѣку — не скажу достойному всякаго уваженія, но по крайней мѣрѣ воспитанному человѣку, чорта на каждомъ шагу. Вы все говорите: чортъ возьми! чортъ возьми!

— Ну да, чортъ возьми! вотъ-же вамъ, понимаете?

— Вы ослѣплены гнѣвомъ, и я молчу. Боже мой, кто это?

— Гдѣ?

Раздался шумъ и хототъ; двѣ смазливья дѣвушки вышли съ крыльца; оба бросились къ нимъ.

— Ахъ какіе! что вы?

— Куда вы суетесь?

— Не тѣ!

— Что, не на тѣхъ напали! Извощикъ!

— Куда васъ, мамзель?

— Къ Покрову; садись, Аннушка, я доведу.

— Ну а я съ той стороны; пошелъ! Смотри-же, шибче вези....

Извощикъ уѣхалъ.

— Это откуда?

— Боже мой, Боже! Но не пойти ли туда!

— Куда?

— Да къ Бобыницыну.

— Нѣтъ-съ, нельзя....

— Отъ чего?

— Я бы, конечно, пошелъ; но тогда она скажетъ другое; она.... обернется: я ее знаю! Она скажетъ, что нарочно пришла, чтобъ меня поймать съ кѣмъ нибудь, да бѣду на меня-же и свалить!

И знать, что, можетъ быть, тамъ она! Да вы — я не знаю, почему же — ну, да вы подите къ генералу-то....

— Да вѣдь онъ переѣхалъ!

— Все равно, понимаете? она же вѣдь пошла; ну, и вы тоже — поняли? Сдѣлайте такъ, что какъ будто не знаете, что генераль переѣхалъ, приходите какъ будто къ нему за женой, ну и такъ далѣе.

— А потомъ?

— Ну, а потомъ накрывайте кого слѣдуетъ у Бобыницына; фу, ты, чортъ, какой безтолк....

— Ну, а вамъ-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!

— Что, что, батенька? что? опять за то-же, что прежде? Ахъ, ты, Господи, Господи! Срамится вы, смѣшной человѣкъ, безтолковый вы человѣкъ!

— Ну, да зачѣмъ-же вы такъ интересуетесь? вы хотите узнать....

— Чтò узнать? что? Ну, да чортъ возьми, не до васъ теперь! Я и одинъ пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бѣгайте тамъ, ну!

— Милостивый государь, вы почти забываетесь! Закричалъ господинъ въ енотахъ въ отчаяніи.

— Ну, что жъ? ну, что жъ, что я забываюсь? проговорилъ молодой человѣкъ, стиснувъ зубы и въ бѣшенствѣ приступая къ господину въ енотахъ:—ну, что жъ? передъ кѣмъ забываюсь?! загремѣлъ онъ, сжимая кулаки.

— Но, милостивый государь, позвольте....

— Ну, кто вы, передъ кѣмъ забываюсь; какъ ваша фамилія?

— Я незнаю, какъ это, молодой человѣкъ; зачѣмъ же фамилію?... Я не могу объявить.... Я лучше съ вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готовъ... Но повѣрьте, я заслуживаю болѣе вѣжливыхъ выраженій! Не нужно нигдѣ терять присутствія духа, и если вы чѣмъ разстроены — я догадываюсь чѣмъ, — то покрайней мѣрѣ забываться не нужно.... Вы еще очень, очень молодой человѣкъ!...

— Да что мнѣ, что вы старый? Эка невидаль! ступайте прочь; чего вы тутъ бѣгаете?...

— Почему жъ я старый? какой же я старый? Конечно, по званію, но я не бѣгаю....

— Это и видно. Да убирайтесь же прочь....

— Нѣтъ, ужъ я съ вами....

— Ну, такъ тише же, тише, молчать!...

Оба они взяли на крыльцо и поднялись на лѣстницу въ третій этажъ; было темнехонько.

— Стойте! Есть у васъ спички?

— Спички? какія спички?

— Вы курите сигары?

— А, да! есть, есть; здѣсь онѣ, здѣсь; вотъ, постоитъ.... Господинъ въ енотахъ засуетился.

— Фу, какой безтолкъ.... чортъ! кажется, эта дверь....

— Эта—эта—эта—эта—эта....

— Эта—эта—эта ... чего вы орете? тише!...

— Милостивый государь, я, скрѣпя сердце.... вы дерзкій человѣкъ, вотъ что!... Вспыхнулъ огонь.

— Ну, такъ и есть, вотъ мѣдная дощечка! вотъ Бобыницынъ; видите Бобыницынъ?

— Вижу, вижу!

— Ти....ше! Что, потухла?

— Потухла.

— Нужно постучаться?
 — Да, нужно! отозвался господинъ въ енотахъ.
 — Стучитесь!
 — Нѣтъ, зачѣмъ же я? вы начните, вы постучите....
 — Трусъ!
 — Сами вы трусъ!
 — Уб-бир-райтесь же!
 — Я почти раск аиваюсь, что повѣрилъ вамъ тайну; вы....
 — Я? ну, что жъ я?
 — Вы воспользовались разстройствомъ моимъ! вы видѣли, что я въ разстроенномъ духѣ....
 — А наплевать! мнѣ смѣшно — вотъ и кончено!
 — Зачѣмъ же вы здѣсь?
 — А вы то зачѣмъ?
 — Прекрасная нравственность! замѣтилъ съ негодованіемъ господинъ въ енотахъ....
 — Ну, что вы про нравственность? вы-то чего?

— А вотъ и безнравственно.
 — Что?!
 — Да, по вашему, каждый обиженный мужъ есть колпакъ!
 — Да вы развѣ мужъ? Вѣдь мужъ то на Вознесенскомъ мосту? Чтожъ вамъ-то? Чего вы пристали?
 — А вотъ мнѣ кажется, что вы-то и есть любовникъ!...
 — Послушайте, если вы будете такъ продолжать, то я долженъ буду признаться, что вы-то и есть колпакъ! т. е. знаете кто?
 — Т. е. вы хотите сказать, что я мужъ! сказалъ господинъ въ енотахъ, какъ будто кипяткомъ обваренный, отступая назадъ.
 — Тсс! молчать! слышите....
 — Это она.
 — Нѣтъ!
 — Фу! какъ темно!
 Все затихло; въ квартирѣ Бобыницына послышался шумъ.

— За что намъ ссориться, милостивый государь? прошепталъ господинъ въ енотахъ.

— Да вы же, чортъ возьми, сами обидѣлись!

— Но вы меня вывели изъ послѣднихъ границъ.

— Молчите!

— Согласитесь, что вы еще очень молодой человѣкъ....

— Мол-чите же!

— Конечно, я согласенъ съ вашей идеей, что мужъ въ такомъ положеніи — колпакъ.

— Да замолчите-ли вы? о!...

— Но къ чему же такое озлобленное преслѣдованіе несчастнаго мужа?...

— Это она!

Но шумъ въ это время умолкъ.

— Она?

— Она! она! она! Да вы-то, вы-то изъ чего хлопочете? вѣдь не ваша бѣда!

— Милостивый государь, милостивый государь! бормоталъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя и всхлипывая:—я, конечно, въ разстройствѣ.... вы достаточно видѣли мое униженіе; но теперь ночь, конечно, но завтра.... впрочемъ, мы, вѣрно, не встрѣтимся завтра, хотя я и не боюсь встрѣтиться съ вами, — и, это, впрочемъ, не я, это мой пріятель, который на Вознесенскомъ мосту; право, онъ! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человѣкъ! Увѣряю васъ. Я съ нимъ знакомъ хорошо; позвольте, я вамъ все расскажу. Я съ нимъ другъ, какъ вы можете видѣть, ибо не сталъ бы я такъ теперь изъ-за него сокрушаться, — сами видите; я же нѣсколько разъ ему говорилъ: зачѣмъ ты женишься, милый другъ? знаніе есть у тебя, достатокъ есть у тебя, почтенный ты человѣкъ, что жъ мѣнять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нѣтъ, женюсь, говорить: семейное счастье.... Вотъ и семейное счастье! Сначала самъ мужей обманывалъ, а теперь и пьеть чашу.... вы извините меня, но это объясненіе было вынуждено необходимостью!... Онъ несчастный человѣкъ, и пьеть чашу — вотъ!... Тутъ господинъ въ енотахъ такъ всхлипнулъ, какъ будто зарыдалъ не на шутку.

— А чортъ бы взялъ ихъ всѣхъ! Мало ли дураковъ! Да вы кто такой?

Молодой человѣкъ скрежеталъ зубами отъ бѣшенства.

— Ну, ужъ послѣ этого, согласитесь сами.... я былъ съ вами благороденъ и откровененъ.... этакій тонъ!

— Нѣтъ, позвольте, вы меня извините.... какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилія?

— А!!

— Мнѣ нельзя сказать фамилію....

— Шабрина знаете? быстро сказалъ молодой человѣкъ.

— Шабринь!!!

— Да, Шабринь! а!!! (Тутъ господинъ въ бекешѣ нѣсколько поддразнилъ господина въ енотахъ). — Поняли дѣло?

— Нѣтъ-съ, какой же Шабринь! отвѣчалъ оторопѣвшій господинъ въ енотахъ: — совсѣмъ не Шабринь; онъ почтенный человѣкъ! Извиняю вашу невѣжливость мученіями ревности.

— Мошенникъ онъ, продажная душа, взяточникъ, плутъ, казну обворовалъ! Его скоро подъ судъ отдадутъ!

— Извините, говорилъ господинъ въ енотахъ, блѣднѣя: — вы его не знаете; совершенно, какъ я вижу, онъ вамъ не извѣстенъ.

— Да, въ лицо-то не знаю, а изъ другихъ очень близкихъ ему источниковъ знаю.

— Милостивый государь, изъ какихъ источниковъ? Я въ разстройствѣ, вы видите....

— Дуракъ! ревнивецъ! за женой не усмотритъ! Вотъ онъ какой, коль пріятно вамъ знать!

— Извините, вы въ ожесточенномъ заблужденіи, молодой человѣкъ....

— Ахъ!

— Ахъ!

Въ квартирѣ Бобныцына послышался шумъ. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

— Ахъ, это не она, не она! Я узнаю ея голосъ; я теперь узналъ все, это не она! сказала господинъ въ енотахъ, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

— Молчать!

Молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ.

— Милостивый государь, я бѣгу: это не она, я очень радъ.

— Ну, ну! ступайте, ступайте!

— А чего жъ вы стоите?

— А вы то чего?

Дверь отворилась, и господинъ въ енотахъ, не выдержавъ, стремглавъ покатился съ лѣстницы.

Мимо молодаго человѣка прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло.... Послышался знакомый женскій голосъ, и потомъ сильный мужской, но совсѣмъ незнакомый.

— Ничего, я прикажу сани подать, говорилъ сильный голосъ.

— Ахъ! ну, ну, согласна; ну, прикажите....

— Они тамъ, сейчасъ.

Дама осталась одна.

— Глафира! гдѣ твои клятвы? вскричалъ молодой человѣкъ въ бекешѣ, хватая за руку даму.

— Ай, кто это? Это вы, Твороговъ? Боже мой! Что вы дѣлаете?

— Съ кѣмъ вы здѣсь были?

— Но это мой мужъ, уйдите, уйдите, онъ сейчасъ выйдетъ оттуда.... отъ Половицннхъ; уйдите, ради Бога, уйдите.

— Половицнны три недѣли какъ переѣхали! Я все знаю!

— Ай! Дама бросилась на крыльцо. Молодой человѣкъ догналъ ее.

— Кто вамъ сказалъ? спросила дама.

— Мужъ вашъ, сударыня, Иванъ Андреичъ; онъ здѣсь, передъ вами, сударыня....

Иванъ Андреичъ дѣйствительно стоялъ у крыльца.

— Ай, это вы? закричалъ господинъ въ енотовой шубѣ.

— А! c'est vous? закричала Глафира Петровна, съ неподдѣльною радостью бросаясь къ нему:—Боже! что со мной было? Я была у Половицннхъ, можешь себѣ представить.... ты знаешь, что они теперь у Измайловскаго моста; я говорила, тебѣ, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбѣсились, понесли, разбили сани, я упала отсюда въ ста шагахъ; кучера взяли; я была виѣ себя. Къ счастью, м-г Твороговъ....

— Какъ?

М-г Твороговъ походилъ болѣе на окаменѣлость, чѣмъ на М-г Творогова.

— М-г Твороговъ увидалъ меня здѣсь и взялся проводить; но теперь вы здѣсь, и я могу вамъ только изъявить мою жаркую благодарность, Иванъ Ильичъ....

Дама подала руку остоленѣлому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сжала ее.

— М-г Твороговъ мой знакомый; на балѣ у Скорлуповыхъ имѣли удовольствие видѣться: я, кажется, говорила тебѣ? Неужели ты не помнишь, коко?

— Ахъ, конечно, конечно! Ахъ, помню! заговорилъ господинъ въ енотовой шубѣ, котораго назвали коко. — Очень пріятно, очень пріятно.

И онъ жарко пожалъ руку г. Творогову.

— Это съ кѣмъ? Что же это значитъ? Я жду.... раздался сильный голосъ.

Передъ группою стоялъ господинъ безконечнаго роста; онъ вынулъ лорнетъ и внимательно посмотрѣлъ на господина въ енотовой шубѣ.

— Ахъ, М-г Бобыницннъ! зашебетала дама:—откудова? вотъ встрѣча! Представьте, меня тотчасъ разбили лошади.... но вотъ мой мужъ! Жан! М-г Бобыницннъ, на балѣ у Карповыхъ....

— Ахъ, очень, очень, очень пріятно!... Но я сейчасъ возьму карету, мой другъ.

— Возьми, Жан, возьми: я вся въ испугѣ; я дрожу; со мной даже дурно.... Сегодня въ маскарадѣ, шепнула она Творогову.... Прощайте, прощайте, г. Бобыницннъ! Мы вѣрно встрѣтимся завтра на балѣ у Карповыхъ....

— Нѣтъ, извините, я завтра не буду; я ужъ завтра того, коль теперь не такъ.... Г. Бобыницннъ проворчалъ что-то еще сквозь зубы, шаркнулъ сапожищемъ, сѣлъ въ свои сани и уѣхалъ.

Подѣхала карета; дама сѣла въ нее. Господинъ въ енотовой шубѣ остановился;

казалось, онъ не въ силахъ былъ сдѣлать движенія и бессмысленно смотрѣлъ на господина въ бекешѣ.

Господинъ въ бекешѣ улыбался довольно неостроумно.

— Я не знаю....

— Извините, очень радъ быть знакомымъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, кланаясь съ любопытствомъ и немного сробѣвъ.

— Очень, очень радъ...

— У васъ, кажется, свалилась калоша....

— У меня? Ахъ, да! благодарю, благодарю; хочу все завести резинныя....

— Въ резинныхъ нога какъ будто потѣть-сь, сказалъ молодой человѣкъ, по-видимому, съ безграничнымъ участіемъ.

— Жан! да скоро-ли ты?

— Именно потѣть. Сейчасъ, сейчасъ, душенька, вотъ разговоръ интересный! Именно, какъ вы изволили замѣтить потѣть нога.... Впрочемъ, извините, я....

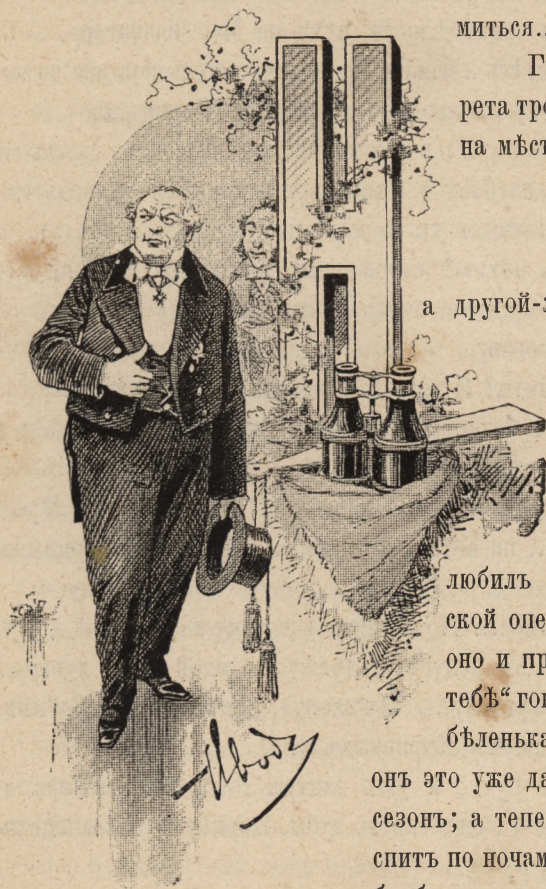
— Помилуйте-сь.

— Очень, очень, очень радъ познакомиться....

Господинъ въ енотахъ сѣлъ въ карету; карета тронулась; молодой человѣкъ все еще стоялъ на мѣстѣ, въ изумленіи провожая ее глазами.

II.

а другой-же вечеръ шло какое-то представленіе въ итальянской оперѣ. Иванъ Андреевичъ ворвался въ залу какъ бомба. Еще никогда не замѣчали въ немъ такого фюге, такой страсти къ музыкѣ. По крайней мѣрѣ, положительно знали, что Иванъ Андреевичъ чрезвычайно любилъ всхрапнуть часокъ другой въ итальянской оперѣ; даже отзывался нѣсколько разъ, что оно и пріятно, и сладко; „да и примадонна-то тебѣ“ говаривалъ онъ друзьямъ: „мяукаетъ, словно бѣленькая кошечка, колыбельную пѣсенку“. Но онъ это уже давно что-то говаривалъ, еще въ прошлый сезонъ; а теперь, увы! Иванъ Андреевичъ и дома не спитъ по ночамъ. Однакожъ онъ все-таки ворвался, какъ бомба, въ залу, набитую биткомъ. Даже капельдинеръ

взглянулъ на него какъ-то подозрительно и тутъ же накосился глазомъ на его боковой карманъ, въ полной надеждѣ увидѣть ручку припрятаннаго на всякій случай кинжала. Нужно замѣтить, что въ то время процвѣтали двѣ партіи, и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ***зисты, другіе ***нисты. Обѣ партіи до того любили музыку, что капельдинеры наконецъ рѣшительно стали опасаться какого нибудь очень рѣшительнаго проявленія любви ко всему прекрасному и высокому, совмѣщавшемуся въ двухъ примадоннахъ. Вотъ почему, смотря на такой юношескій порывъ въ залу театра даже сѣдовласаго старца, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ сѣдовласаго, а такъ, около пятидесяти лѣтъ, плѣшивенькаго, и вообще человѣка съ виду солиднаго свойства, капельдинеръ невольно вспомнилъ высокія слова Гамлета, датскаго принца:

Когда ужъ старость надаеъ такъ страшно,
Что жъ юность?... и т. д.

и, какъ было сказано выше, накосился на боковой карманъ фрака, въ надеждѣ увидѣть кинжалъ. Но тамъ былъ только одинъ бумажникъ и болѣе ничего.

Влетѣвъ въ театръ, Иванъ Андреевичъ мигомъ облетѣлъ взглядомъ всѣ ложи второго яруса и — о, ужасъ! сердце его замерло: она была здѣсь! она сидѣла въ ложѣ! Тутъ былъ и генераль Половицынъ съ супругою и свояченицею; тутъ былъ и адъютантъ генерала, — чрезвычайно ловкій молодой человѣкъ; тутъ былъ еще одинъ статскій... Иванъ Андреевичъ напрягъ все вниманіе, всю остроту зрѣнія, но — о, ужасъ, статскій человѣкъ предательски спрятался за адъютанта и остался во мракѣ неизвѣстности.

Она была здѣсь, а между тѣмъ сказала, что будетъ вовсе не здѣсь!

Вотъ эта-то двойственность, проявлявшаяся съ нѣкотораго времени на каждомъ шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вотъ этотъ-то статскій юноша и повергъ его наконецъ въ совершенное отчаяніе. Онъ опустился въ кресла совсѣмъ пораженный. Отъ чего бы, кажется? Случай очень простой...

Нужно замѣтить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возлѣ бенуара, и въ добавокъ предательская ложа второго яруса приходилась прямо надъ его креслами, такъ что онъ, къ величайшей своей неприятности, рѣшительно не могъ замѣтить, что дѣлалось надъ его головою. За то онъ злился и горячился какъ самоваръ. Весь первый актъ прошелъ для него незамѣтно, т. е. онъ не слышалъ ни одной ноты. Говорятъ, что музыка тѣмъ и хороша, что можно настроить музыкальныя впечатлѣнія подъ ладъ всякаго ощущенія. Радующійся человѣкъ найдетъ въ звукахъ радость, печальный — печаль; въ ухахъ Ивана Андреевича завывала цѣлая буря. Къ довершенію досады, сзади, спереди, съ боку кричали такіе страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконецъ актъ кончился. Но въ ту минуту, какъ падалъ занавѣсъ, съ нашимъ героемъ случилось такое приключеніе, которое никакое перо не опишетъ.

Случается, что иногда съ верхнихъ ярусовъ ложъ слетаетъ афишка. Когда пьеса скучна и зрители зѣваютъ, для нихъ это цѣлое приключеніе. Особенно съ участіемъ смотрять они на полетъ этой чрезвычайно мягкой бумаги съ самаго верхняго яруса и находятъ пріятность слѣдить за ея путешествіемъ зигзагами до самыхъ кресель, гдѣ она непременно уляжется на чью нибудь, вовсе не приготовленную къ этому случаю голову. Дѣйствительно, очень любопытно смотрѣть, какъ эта голова конфузится (потому что она непременно конфузится). Мнѣ всегда тоже бываетъ страшно за дамскіе бинокли, которые лежатъ за частую на бордюрахъ ложъ: мнѣ все такъ и кажется, что они вотъ тотчасъ слетятъ на чью нибудь неприготовленную къ этому случаю голову. Но я вижу, что нехстати сдѣлалъ такое трагическое примѣчаніе и потому отсылаю его къ фельетонамъ тѣхъ газетъ, которыя предохраняютъ отъ обмановъ, отъ недобросовѣстности, отъ таракановъ, если они у васъ въ домѣ, рекомендуя извѣстнаго г-на Принципе, страшнаго врага и противника всѣхъ таракановъ на свѣтѣ, не только русскихъ, но даже и иностранныхъ, какъ-то пруссаковъ и проч.

Но съ Иваномъ Андреевичемъ случилось приключеніе, до сихъ поръ еще нигдѣ неописанное. Къ нему слетѣла на голову — какъ уже сказано, довольно плѣшивую — не афишка. Признаюсь, я даже совѣщусь сказать, что къ нему слетѣло на голову, потому что, дѣйствительно, какъ то совѣстно объявить, что на ночтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волосъ голову ревниваго, раздраженнаго Ивана Андреевича слетѣлъ такой безнравственный предметъ, какъ, на примѣръ, любовная раздушенная записочка. По крайней мѣрѣ, бѣдный Иванъ Андреевичъ, совершенно неприготовленный къ этому непредвидѣнному и безобразному случаю, вздрогнулъ такъ, какъ будто поймалъ на своей головѣ мышъ или другого какого нибудь дикаго звѣря.

Что записка была любовнаго содержанія, въ этомъ ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажкѣ, совершенно такъ, какъ пишутся записки въ романахъ, и сложена въ предательски малую форму, такъ что ее можно было скрыть подъ дамской перчаткой. Упала-же она, вѣроятно, по случаю, во время самой передачи; какъ нибудь спрашивали, на примѣръ, афишку, и ужъ записочка проворно была ввернута въ эту афишку, уже передавалась въ извѣстныя руки, но одинъ мигъ, можетъ быть, нечаянный толчокъ адъютанта, чрезвычайно ловко извинившагося въ своей неловкости, и записочка выскользнула изъ маленькой, дрожавшей отъ смущенія ручки, а статскій юноша, уже протягивавшій свою нетерпѣливую руку, вдругъ получаетъ, вмѣсто записки, одну афишку, съ которой рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Непріятный, странный случай! совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще непріятнѣе.

— *Predestiné*, прошепталъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ, и сжимая записочку въ рукахъ: *predestiné!* Пуля найдетъ виноватаго! промелькнуло въ его головѣ: нѣтъ, не то! Чѣмъ же я виноватъ? А вотъ, тамъ есть другая пословица: на бѣднаго Макара и т. д.

Но мало ли, что начнетъ перезванивать въ головѣ, оглушенной такимъ внезапнымъ происшествіемъ! Иванъ Андреевичъ сидѣлъ на стулѣ окостенѣвъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ. Онъ увѣренъ былъ, что его приключеніе замѣчено со всѣхъ сторонъ, несмотря на то, что во всей залѣ, въ это самое время, началась суматоха и вызовъ пѣвицы. Онъ сидѣлъ такъ сконфузившись, такъ покраснѣвъ и не смѣя поднять глазъ, какъ будто съ нимъ случилась какая нибудь неожиданная непріятность, какой нибудь диссонансъ въ прекрасномъ, многолюдномъ обществѣ. Наконецъ онъ рѣшился поднять глаза.

— Пріятно пѣли-съ! замѣтилъ онъ одному франту, сидѣвшему по лѣвую его сторону.

Франтъ, который былъ въ послѣдней степени энтузіазма и хлопалъ руками, но преимущественно выѣзжалъ на ногахъ, бѣгло и разсѣянно взглянулъ на Ивана Андреевича и, тотчасъ-же сдѣлавъ рукою щитокъ надъ своимъ ртомъ, чтобъ было слышнѣе, крикнулъ имя пѣвицы. Иванъ Андреевичъ, который еще никогда не слыхалъ подобной глотки, былъ въ восторгѣ. „Ничего не замѣтилъ!“ подумалъ онъ и обратился назадъ. Но толстый господинъ, сидѣвшій сзади него, теперь, въ свою очередь, сталъ къ нему задомъ и лорнировалъ ложи. „Тоже хорошо!“ подумалъ Иванъ Андреевичъ. Впереди, разумѣется, ничего не видали. Онъ робко и съ радостной надеждой покосился на бенуаръ, возлѣ котораго были его кресла, и вздрогнулъ отъ самаго непріятнаго чувства. Тамъ сидѣла прекрасная дама, которая, закрывъ ротъ платкомъ и упавъ на спинку кресель, хохотала какъ изстуженная.

— Охъ, ужъ эти мнѣ женщины! прошепталъ Иванъ Андреевичъ и пустился по ногамъ зрителей къ выходу.

Теперь я предлагаю рѣшить самимъ читателямъ, я прошу ихъ самихъ разсудить меня съ Иваномъ Андреевичемъ. Неужели правъ былъ онъ въ эту минуту? Большой театръ, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ четыре яруса ложъ и пятый ярусъ — галерею. Почему же непременно предположить, что записка упала именно изъ одной ложи, именно изъ этой самой, а не другой какой-нибудь, — напимѣръ, хоть изъ пятаго яруса, гдѣ тоже бываютъ дамы? Но страсть исключительна, а ревность — самая исключительная страсть въ мірѣ.

Иванъ Андреевичъ бросился въ фойе, сталъ у лампы, сломалъ печать и прочелъ:

„Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля, въ Г — вой, на углу ***скаго переулка, въ домѣ К***, въ третьемъ этажѣ, направо отъ лѣстницы. Входъ съ подъѣзда. Будь тамъ, sans faute, ради Бога“.

Руки Иванъ Андреевичъ не узналъ, но сомнѣнія нѣтъ: назначалось свиданіе. „Поймать, изловить, и пресѣчь зло въ самомъ началѣ“, была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло въ голову изболочить теперь-же, тутъ же на мѣстѣ; но какъ это сдѣлать? Иванъ Андреевичъ вбѣжалъ даже во второй ярусъ, но благоразумно воротился. Рѣшительно, онъ не зналъ: куда бѣжать. Отъ нечего дѣлать, онъ забѣжалъ

съ другой стороны и посмотрѣлъ чрезъ открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Такъ, такъ! во всѣхъ пяти ярусахъ по вертикальному направленію сидѣли молодыя дамы и молодые люди. Записка могла упасть изъ всѣхъ пяти ярусовъ разомъ, потому что Иванъ Андреевичъ подозрѣвалъ рѣшительно всѣ ярусы въ заговорѣ противъ него. Но его ничто не исправило, никакія видимости. Весь второй актъ онъ бѣгалъ по всѣмъ корридорамъ и нигдѣ не находилъ спокойствія духа. Онъ было сунулся въ кассу театра, въ надеждѣ узнать отъ кассира имена особъ, взявшихъ ложи во всѣхъ четырехъ ярусахъ, но касса уже была заперта. Наконецъ, раздались неистовыя восклицанія и аплодисменты. Представленіе кончилось. Начинались вызовы и особенно гремѣли съ самаго верха два голоса, — предводители обѣихъ партій. Но не до нихъ было дѣло Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнѣйшаго его поведенія. Онъ надѣлъ бекешъ и пустился въ Г—вую, чтобъ тамъ застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного энергичнѣе, чѣмъ вчерашній день. Онъ скоро пашель домъ и уже ступилъ на подъѣздъ, какъ вдругъ, словно подъ руками, у него прошмыгнула фигура франта въ пальто, обогнала его и пустилась по лѣстницѣ въ третій этажъ. Ивану Андреевичу показалось, что это тотъ самый франтъ, хотя онъ не могъ различить и тогда лицо этого франта. Сердце въ немъ замерло. Франтъ обогнала его уже двумя лѣстницами. Наконецъ, онъ услышалъ, какъ отворилась дверь въ третьемъ этажѣ, и отворилась безъ звонка, какъ будто ждали пришедшаго. Молодой человѣкъ проскользнулъ въ квартиру. Иванъ Андреевичъ достигъ третьяго этажа, когда не успѣли еще затворить эту дверь. Онъ хотѣлъ было постоять передъ дверью, благоразумно пообдумать свой шагъ, поробѣть немного и потомъ уже рѣшиться на что нибудь очень рѣшительное: но въ эту самую минуту загремѣла карета у подъѣзда, съ шумомъ отворились двери, и чьи-то тяжелые шаги начали съ кряхтомъ и кашлемъ свое восшествіе на верхній этажъ. Иванъ Андреевичъ не устоялъ, отворилъ дверь и очутился въ квартирѣ со всею торжественностью оскорбленнаго мужа. На встрѣчу къ нему бросилась горничная, вся въ волненіи, потомъ явился человѣкъ; но остановить Ивана Андреевича небыло никакой возможности. Какъ бомба влетѣлъ онъ въ покои и, пройдя двѣ темныя комнаты, вдругъ очутился въ спальнѣ передъ молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала отъ страха и смотрѣла на него съ рѣшительнымъ ужасомъ, какъ будто не понимая, что вокругъ нея дѣлается. Въ эту минуту слышались тяжелые шаги въ сосѣдней комнатѣ, которые всходили на лѣстницу.

— Боже! это мой мужъ! вскрикнула дама, всплеснувъ руками и поблѣднѣвъ болѣе своего пенъжара.

Иванъ Андреевичъ почувствовалъ, что онъ не туда попалъ, что сдѣлалъ глупую, дѣтскую выходку, что необдумалъ хорошо своего шага, что непоробѣлъ достаточно на лѣстницѣ. Но дѣлать было нечего! Уже отворилась дверь, уже тяжелый мужъ, если только судить по его тяжелымъ шагамъ, входилъ въ комнату. . . . Не знаю, за кого принялъ себя Иванъ Андреевичъ въ эту минуту! не знаю, что ему помѣшало прямо

стать на встрѣчу мужа, объявить, что попался въ просакъ, сознаться, что безсознательно поступилъ неприличнѣйшимъ образомъ, попросить извиненія и скрыться, — конечно, не съ большею честью, конечно, не со славою, но по крайней мѣрѣ уйти благороднымъ, откровеннымъ образомъ. Но нѣтъ, Иванъ Андреевичъ опять поступилъ, какъ мальчишкѣ, какъ будто бы считалъ себя Донъ-Жуаномъ или Ловелласомъ! Онъ сначала прикрылся занавѣсками у кровати, а потомъ, когда почувствовалъ себя въ полномъ упадкѣ духа, припалъ на землю и безмысленно полѣзъ подъ кровать. Испугъ подѣйствовалъ на него сильнѣе благоразумія, и Иванъ Андреевичъ, самъ оскорбленный мужъ, или, по крайней мѣрѣ, считавшій себя такимъ, не вынесъ встрѣчи съ другимъ мужемъ — можетъ быть, боясь оскорбить его своимъ присутствіемъ. Такъ, или не такъ, но онъ очутился подъ кроватью, рѣшительно не понимая, какъ это сдѣлалось. Но, что всего было удивительнѣе, дама не оказала никакой оппозиціи. Она не закричала, видя, какъ чрезвычайно странный, пожилой господинъ ищетъ убѣжища въ ея спальнѣ. Рѣшительно она была такъ испугана, что, по всей вѣроятности, у нея отнялся языкъ.

Мужъ вошелъ охая и крихтя, поздоровался съ женою на распѣвъ, самымъ старческимъ образомъ и свалился на кресла такъ, какъ будто только-что принесъ бремя дровъ. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иванъ Андреевичъ, превратившійся изъ разъяреннаго тигра въ ягненка, оробѣвъ и присмирѣвъ какъ мышенокъ передъ котомъ, едва смѣлъ дышать отъ испуга, хотя и могъ-бы знать, по собственному опыту, что не все оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему въ голову или отъ недостатка соображенія или отъ другого какого нибудь припадка. Осторожно, тихонько, оцупью, началъ онъ оправляться подъ кроватью, чтобъ какъ нибудь улечься удобнѣе. Каково же было его изумленіе, когда онъ оцупалъ рукою предметъ, который, къ его величайшему изумленію, пошевелился и въ свою очередь схватилъ его за руку! Подъ кроватью былъ другой человѣкъ. . . . .

— Кто это? шепнулъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ: я вамъ и сказалъ сейчасъ, кто я такой! прошепталъ странный незнакомецъ. Лежите и молчите, коли попались въ просакъ!

— Однакоже. . . . .

— Молчать!

И посторонній человѣкъ (потому что подъ кроватью довольно было и одного), посторонній человѣкъ стиснулъ въ своемъ кулакѣ руку Ивана Андреевича такъ, что тотъ едва не вскрикнулъ отъ боли.

— Милостивый государь. . . . .

— Тсс!

— Такъ не жмите же меня, или закричу.

— Ну-ка закричите! попробуйте!

Иванъ Андреевичъ покраснѣлъ отъ стыда. Незнакомецъ былъ суровъ и сердитъ. Можетъ быть это былъ человѣкъ, испытавшій не разъ гоненія судьбы и не разъ нахо-

дившійся въ стѣсненномъ положеніи; но Иванъ Андреевичъ былъ новичекъ и задыхался отъ тѣсноты. Кровь была ему въ голову. Однакожъ нечего было дѣлать! нужно было лежать ничкомъ. Иванъ Андреевичъ покорился и замолчалъ.

— Я, душенька, былъ, началъ мужъ: — я, душенька, былъ у Павла Иваныча. Съли мы играть въ преферансъ, да такъ, кхи, кхи, кхи! (онъ закашлялся) такъ.... кхи! такъ спина.... кхи! Ну ее!... кхи! кхи! кхи!

И старичекъ погрузился въ свой кашель.

— Спина.... проговорилъ онъ наконецъ со слезами на глазахъ: — спина разболѣлась.... геморой проклятый! Ни стать, ни сѣсть.... ни сѣсть.... Акхи, кхи, кхи!...

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долѣе, чѣмъ старичку, обладателю этого кашля. Старичокъ что-то ворчалъ языкомъ въ промежуткахъ, но рѣшительно ничего нельзя было разобрать.

— Милостивый государь, ради Бога, подвиньтесь! прошепталъ несчастный Иванъ Андреевичъ.

— Куда прикажете? Мѣста нѣтъ.

— Однако же, согласитесь сами, мнѣ невозможно такимъ образомъ. Я еще въ первый разъ нахожусь въ такомъ скверномъ положеніи.

— А я въ такомъ непріятномъ сосѣдствѣ.

— Однако же, молодой человѣкъ....

— Молчать!

— Молчать? Однако, вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человѣкъ....

Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше васъ.

— Молчать!

— Милостивый государь! вы забываетесь; вы не знаете, съ кѣмъ говорите!

— Съ господиномъ, который лежитъ подъ кроватью.

— Но меня привлекъ сюда сюрпризъ.... ошибка, а васъ, если не ошибаюсь, безправственность.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь!

— Милостивый государь! я постарше васъ, я вамъ говорю....

— Милостивый государь! знаете, что мы здѣсь на одной доскѣ. Прошу васъ, не хватайте меня за лицо!

— Милостивый государь! я ничего не разберу. Извините меня, но нѣтъ мѣста.

— Зачѣмъ же вы такой толстый?

— Боже! я никогда не былъ въ такомъ унижительномъ положеніи!

— Да, ниже лежать нельзя.

— Милостивый государь, милостивый государь! Я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, какъ это случилось; но я здѣсь по ошибкѣ; я не то, что вы думаете....

— Я бы ровно ничего не думалъ о васъ, еслибъ вы не толкались. Да молчите же!

— Милостивый государь! если вы не подвинитесь, со мной будетъ ударъ. Вы

будете отвѣчать за смерть мою. Увѣряю васъ.... я почтенный человѣкъ, я отецъ семейства, не могу же я быть въ такомъ положеніи!...

— Сами же вы сунулись въ такое положеніе. Ну, подвигайтесь же! вотъ вамъ мѣсто; больше нельзя!

— Благородный молодой человѣкъ! милостивый государь! Я вижу, что я въ васъ ошибался, сказалъ Иванъ Андреевичъ въ восторгѣ благодарности за уступленное мѣсто и расправляя затекшіе члены:—я понимаю стѣсненное положеніе ваше, но что же дѣлать? вижу, что вы дурно обо мнѣ думаете. Позвольте мнѣ поднять въ вашемъ мнѣніи мою репутацію, позвольте мнѣ сказать, кто я такой, я пришелъ сюда противъ себя, увѣряю васъ; я не затѣмъ, зачѣмъ вы думаете.... я въ ужаснѣйшемъ страхѣ.

— Да замолчите-ли вы? понимаете-ли, что если услышать насъ, будетъ худо? Тсс.... Онъ говоритъ. Дѣйствительно, кашель старика повидимому началъ проходить.

— Такъ вотъ, душенька, хрипѣлъ онъ на самый плачевный напѣвъ: — такъ вотъ, душенька, кхи!... кхи! ахъ, несчастье! Оедосѣй-то Ивановичъ и говоритъ: вы бы, говоритъ, тысячелиственникъ нить попробовали; слышишь, душенька?

— Слышу, мой другъ.

— Ну, такъ и говоритъ: вы бы, говоритъ, попробовали тысячелиственникъ нить. Я и говорю: я пивки припускалъ. А онъ мнѣ: нѣтъ, Александръ Демьяновичъ, тысячелиственникъ лучше: онъ открываетъ, я вамъ скажу.... кхи! кхи! охъ, Боже мой! какъ же ты думаешь, душенька? кхи, кхи! ахъ, Создатель мой! кхи, кхи! Такъ лучше тысячелиственникъ, что-ли? кхи, кхи, кхи! ахъ! кхи и т. д.

— Я думаю, что попробовать этого средства не худо, отвѣчала супруга.

— Да, не худо! У васъ, говоритъ, пожалуй чахотка, кхи, кхи! А я говорю: подагра, да раздраженіе въ желудкѣ; кхи, кхи! А онъ мнѣ: можетъ быть и чахотка. Какъ ты, кхи, кхи! какъ ты думаешь, душенька: чахотка?

— Ахъ, Боже мой, что это вы говорите такое?

— Да чахотка! А ты бы, душенька, раздѣвалась теперь, да спать ложились, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморкъ.

— Уфъ! сдѣлалъ Иванъ Андреевичъ: ради Бога, подвиньтесь!

— Рѣшительно я вамъ удивляюсь, что съ вами дѣлается, ну, не можете вы спокойно лежать....

— Вы ожесточены противъ меня, молодой человѣкъ; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вѣроятно любовникъ этой дамы?

— Молчать!

— Не буду молчать! не дамъ вамъ командовать! А, вы вѣрно любовникъ? Если насъ откроютъ, я ни въ чемъ не виноватъ, я ничего незнаю.

— Если вы не замолчите, сказалъ молодой человѣкъ, скрежеща зубами: — я скажу, что вы завлекли меня, я скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе. Тогда, по крайней мѣрѣ не подумаютъ, что я любовникъ этой дамы.

— Милостивый государь! вы издѣваетесь надо мною. Вы истощаете терпѣніе мое.
— Тсс! или я васъ заставляю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здѣсь? Безъ васъ я бы пролежалъ какъ нибудь до утра, а тамъ бы и вышелъ.

— Но я здѣсь не могу же лежать до утра; я человѣкъ благоразумный; у меня, конечно, связи.... какъ вы думаете, неужели онъ будетъ здѣсь ночевать?

— Кто?

— Да этотъ старичекъ....

— Разумѣется, будетъ. Не всё-жъ такіе мужья, какъ вы. Ночуютъ и дома.

— Милостивый государь! Милостивый государь! закричалъ Иванъ Андреевичъ, похолодѣвъ отъ испуга: — будьте увѣрены, что и я тоже дома, а теперь въ первый разъ; но, Боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человѣкъ? скажите мнѣ тотчасъ-же, умоляю васъ изъ бекорыстной дружбы, кто вы таковъ?

— Послушайте! я употреблю насиліе....

— Но позвольте, позвольте вамъ рассказать, милостивый государь, позвольте вамъ объяснить это скверное дѣло...

— Никакихъ объясненій не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или...

— Но я не могу же...

Подъ кроватью послѣдовала легкая борьба, и Иванъ Андреевичъ умолкъ.

— Душенька! что-то здѣсь какъ будто коты шепчутся?

— Какіе коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чемъ разговаривать съ своимъ мужемъ. Она была такъ поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

— Какіе коты?

— Коты, душенька. Я намедни прихожу, сидитъ васька у меня въ кабинетѣ, шю, шю, шю! и шепчетъ. Я ему: что ты, васенька? а онъ опять, шю, шю, шю! И такъ, какъ будто все шепчетъ. Я и думаю: ахъ, отцы мои! ужъ не о смерти ли онъ мнѣ нашептываетъ?

— Какія глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

— Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебѣ непріятно, что я умру, не сердись; я только такъ говорю. А ты бы, душенька, стала раздѣваться и спать легла, а я бы здѣсь посидѣлъ, пока ты ложишься будешь.

— Ради Бога, полноте; послѣ....

— Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здѣсь какъ будто мыши!

— Ну, вотъ, то коты, то мыши! Право, я не знаю что съ вами дѣлается.

— Ну, я ничего, я ни.... кхи! я ничего, кхи, кхи, кхи, кхи! Ахъ, Боже ты мой! кхи!

— Слышите, вы такъ возитесь, что и онъ услыхалъ, прошепталъ молодой человѣкъ.

— Но еслибъ вы знали, что со мной дѣлается! У меня носомъ кровь идетъ.

— Пусть идетъ, молчите; подождите, когда онъ уйдетъ.

— Молодой человѣкъ, но вникните въ мое положеніе; вѣдь я незнаю, съ кѣмъ я лежу.

— Да легче вамъ отъ этого будетъ что ли? Вѣдь я не интересуюсь знать вашу фамилію. Ну, какъ ваша фамилія?

— Нѣтъ, зачѣмъ же фамилію... Я только интересуюсь объяснить, какимъ безсмысленнымъ образомъ...

— Тес... онъ опять говорить.

— Право, душенька, шепчутся.

— Да нѣтъ-же; это у тебя вата въ ухахъ дурно лежитъ.

— Ахъ, по поводу ваты. Знаешь-ли, тутъ, на верху... кхи, кхи! на верху, кхи, кхи, кхи! и т. д.

— На верху! прошепталъ молодой человѣкъ. — Ахъ, чортъ! А я-то думалъ, что это послѣдній этажъ; да развѣ это второй?

— Молодой человѣкъ, прошепталъ встрепенувшись Иванъ Андреевичъ: — что вы говорите? Ради Бога, почему это васъ интересуесть? И я думалъ, что это послѣдній этажъ. Ради Бога, развѣ здѣсь еще этажъ?...

— Право, кто-то ворочается, сказалъ старикъ, переставшій наконецъ кашлять....

— Тес! слышите! прошепталъ молодой человѣкъ, сдавивъ обѣ руки Ивана Андреевича.

— Милостивый государь, вы держите мои руки въ насиліи. Пустите меня.

— Тес....

Послѣдовала легкая борьба, и потомъ опять наступило молчаніе.

— Такъ вотъ я и встрѣчаю хорошенькую.... началъ старикъ.

— Какую хорошенькую? перебила жена.

— Да вѣдь вотъ.... говорилъ прежде я, что встрѣтилъ хорошенькую даму на лѣстницѣ, или я пропустилъ? У меня вѣдь память слаба. Это звѣробой.... кхи!

— Что?

— Звѣробой пить надо: говорятъ, лучше будетъ.... кхи, кхи, кхи! лучше будетъ!

— Это вы его перебили, проговорилъ молодой человѣкъ, опять заскрежетавъ зубами.

— Ты говорилъ, что встрѣтилъ сегодня хорошенькую какую-то? спросила жена.

— А?

— Хорошенькую встрѣтилъ?

— Кто такой?

— Да ты?

— Я-то? Когда? Да, бишь!

— Наконецъ - то! экая мумія! Ну, прошепталъ молодой человѣкъ, мысленно погоняя забывчиваго старичка.

— Милостивый государь! я трепещу отъ ужаса. Боже мой! что я слышу? Это какъ вчера; рѣшительно, какъ вчера....

— Тес....

— Да, да, да! вспомнилъ: преплутовочка! Глазенки такіе... въ голубой шляпкѣ....

— Въ голубой шляпкѣ! Ай, ай!

— Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! закричалъ Иванъ Андреевичъ....

— Она? кто она? прошепталъ молодой человѣкъ, стиснувъ руки Ивана Андреевича.

— Тес! сдѣлалъ въ свою очередь Иванъ Андреевичъ: онъ говорить.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Ну, да, впрочемъ, у кого-же нѣтъ голубой шляпки.... ну!

— И такая плутовка! продолжалъ старикъ. — Она тутъ къ какимъ-то знакомымъ приходитъ. Все глазки дѣлаешь. А къ тѣмъ знакомымъ ходятъ тоже знакомые....

— Фу! какъ это скучно, перебила дама: — помилуй, чѣмъ ты интересуешься?

— Ну, хорошо, ну, ну! не сердись! возразилъ старичокъ на-распѣвъ: — ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не въ духѣ сегодня....

— Да вы какъ же сюда попали? заговорилъ молодой человѣкъ....

— А, видите, видите! Вотъ вы теперь интересуетесь, а прежде не хотѣли и слушать!

— Ну, да мнѣ все равно! не говорите, пожалуйста! Ахъ, чортъ возьми, какая исторія!

— Молодой человѣкъ, не сердитесь; я не знаю, что говорю; это я такъ; я только хотѣлъ сказать, что тутъ вѣрно что нибудь не даромъ, что вы принимаете участіе.... Но, кто вы, молодой человѣкъ? Я вижу, вы, незнакомецъ; но кто-же вы, незнакомецъ? Боже! Я не знаю, что говорю!

— Э! подите, пожалуйста! прервалъ молодой человѣкъ, какъ будто что-то обдумывая.

— Но я вамъ все расскажу, все. Вы, можетъ быть, думаете, что я не расскажу, что я золь на васъ, нѣтъ! вотъ рука моя! Я только въ упадкѣ духа, больше ничего. Но, ради Бога, скажите мнѣ все сначала какъ вы здѣсь сами? по какому случаю? Что же касается до меня, то я не сержусь, ей Богу не сержусь, вотъ вамъ рука моя. Здѣсь только письмо; я немного запачкалъ ее; но это ничего для высокаго чувства.

— Э, подите съ вашей рукой! Тутъ поверотится негдѣ, а онъ съ рукой лѣзетъ!

— Но, милостивый государь, вы со мной обходитесь какъ будто, съ позволенія сказать, со старой подошвой, проговорилъ Иванъ Андреевичъ въ припадкѣ самаго кроткаго отчаянія, голосомъ, въ которомъ было слышно моленіе. — Обходитесь со мной учтивѣе, хоть немножко учтивѣе, и я вамъ все расскажу! Мы бы полюбили другъ

друга; я даже готовъ пригласить васъ къ себѣ на обѣдъ. А эдакъ намъ вмѣстѣ лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человѣкъ! Вы не знаете....

— Когда-же это онъ ее встрѣтилъ? бормоталъ молодой человѣкъ, очевидно въ крайнемъ волненіи. Она, можетъ быть, теперь ждетъ меня.... Я рѣшительно выйду отсюда!

— Она? кто она? Боже мой! про кого вы говорите, молодой человѣкъ? Вы думаете, что тамъ на верху.... Боже мой! За что я такъ наказанъ!

Иванъ Андреевичъ попробовалъ повернуться на спину, въ знакъ отчаянья.

— А вамъ на что знать, кто она? А, чортъ! Была не была, я вылѣзю!

— Милостивый государь! что вы? А я-то, я-то какъ буду? прошепталъ Иванъ Андреевичъ, въ припадкѣ отчаянія уцѣпившись за фалды фрака своего сѣбѣ.

— А мнѣ-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, такъ я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промоталъ свое состояніе, чтобъ не подумалъ старикъ, что я любовникъ жены его.

— Но, молодой человѣкъ, это невозможно, это ненатурально, коли дядя. Никто не повѣритъ вамъ. Этому вотъ такой маленькій ребенокъ не повѣритъ, шепталъ въ отчаяніи Иванъ Андреевичъ.

— Ну, такъ не болтайте же, а лежите себѣ смирно пластомъ! Пожалуй, ночуйте здѣсь, а завтра какъ нибудь вылѣзите; васъ никто не замѣтитъ; ужъ коли одинъ вылѣзъ, такъ вѣрно не подумаютъ, что еще остался другой. Еще бы сидѣла цѣлая дюжина! Впрочемъ, вы и одинъ стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

— Вы язвите меня, молодой человѣкъ.... а что, если я закашляюсь? Нужно все предвидѣть!

— Тсс!...

— Что это? какъ будто на верху я опять слышу возню, проговорилъ старичекъ, который тѣмъ временемъ, кажется, успѣлъ задремать.

— На верху?

— Слышите, молодой человѣкъ, на верху?

— Ну, слышу!

— Боже мой! молодой человѣкъ, я выйду!

— А я такъ не выйду! Мнѣ все равно! Ужъ если разстроилось, такъ все равно! А знаете ли, что я подозреваю? А подозреваю, что вы-то и есть какой нибудь обманутый мужъ — вотъ что!...

— Боже, какой цинизмъ! Неужели вы это подозреваете? Но почему же именно мужъ.... я не женатъ.

— Какъ не женатъ? Дудки!

— Я, можетъ быть, самъ любовникъ!

— Хорошъ любовникъ!

— Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я вамъ все раз-

скажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женатъ. Я тоже холостой, какъ и вы. Это другъ мой, товарищъ дѣтства.... а я любовникъ.... Говорить мнѣ „я несчастный человекъ, я, говорить, пью чашу, я подозрѣваю свою жену“. Но, говорю я ему благо-разумно:—за что же ты ее подозрѣваешь?... Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! Ревность смѣшна, говорю, ревность порокъ! „Нѣтъ“, говоритъ, „я несчастный человекъ“! Я, того... чашу, то есть, я подозрѣваю. Ты, говорю, мой другъ, ты товарищъ моего нѣжнаго дѣтства. Мы вмѣстѣ срывали цвѣты удовольствія, тонули на пуховикахъ наслажденія“.—Боже, я незнаю, что говорю. Вы все смѣетесь, молодой человекъ. Вы сдѣлаете меня сумасшедшимъ.

— Да вы и теперь сумасшедшій!

— Такъ, такъ я и предчувствовалъ, что вы это скажете.... когда говорилъ про сумасшедшаго. Смѣйтесь, смѣйтесь, молодой человекъ! Также и я процвѣталъ въ свое время, также и я соблазнялъ. Ахъ! У меня дѣлается воспаленіе въ мозгу!

— Что-это, душенька, какъ будто у насъ кто-то чихаетъ? пропѣлъ старичекъ: — это ты, душка, чихнула?

— О, Боже мой! проговорила супруга.

— Тсс! раздалось подь кроватью.

— Это наверху, вѣрно, стучать, замѣтила жена, испугавшись, потому что подь кроватью, дѣйствительно, становилось шумно.

— Да, наверху! проговорилъ мужъ. — Наверху! Говорилъ я тебѣ, что я франтика — кхи, кхи! франтика съ усиками — кхи, кхи! охъ. Богъ мой — спина!... франтика сейчасъ встрѣтилъ съ усиками!...

— Съ усиками! Боже мой, это вѣрно вы, прошепталъ Иванъ Андреевичъ.

— Создатель мой, какой человекъ! Да вѣдь я здѣсь, здѣсь вмѣстѣ съ вами лежу! Какъ-же бы онъ меня встрѣтилъ? Да не хватайте меня за лицо!

— Боже, со мной сейчасъ будетъ обморокъ.

Въ это время наверху дѣйствительно послышался шумъ.

— Что бы тамъ было? прошепталъ молодой человекъ.

— Милостивый Государь! я въ страхѣ, я въ ужасѣ. Помогите мнѣ.

— Тсс!

— Дѣйствительно, душка, шумъ, цѣлый гвалтъ поднимають. Да еще надь твоей спальней. Не послать-ли спросить?

— Ну, вотъ! Чего ты не выдумаешь!

— Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!...

— О, Боже мой! вы бы шли спать.

— Лиза! ты меня вовсе не любишь.

— Ахъ, люблю! Ради Бога, я такъ устала.

— Ну, ну! я уйду.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! не уходите, закричала жена: — или нѣтъ, идите, идите!

— Да что это ты, въ самомъ дѣлѣ! То уходите, то не уходите! Кхи, кхи! А и вправду спать... Кхи, кхи! У Панафидиныхъ дѣвочки... Кхи, кхи! дѣвочки... Кхи! Куклу я у дѣвочки видѣлъ Нюренбергскую, кхи, кхи....

— Ну, вотъ куклы теперь!

— Кхи, кхи! хорошая кукла, кхи, кхи!

— Онъ прощается, проговорилъ молодой человѣкъ; — онъ идетъ, и мы тотчасъ уходимъ. Слышите? радуйтесь же!

— О, дай-то Богъ, дай-то Богъ!

— Это вамъ урокъ...

— Молодой человѣкъ! за что же урокъ? я это чувствую... Но вы еще молоды, вы не можете давать мнѣ урока.

— А все таки дамъ. Слушайте.

— Боже! Я хочу чихнуть!

— Тсс! Если только вы осмѣлитесь.

— Но что же мнѣ дѣлать? здѣсь такъ пахнетъ мышами; не могу же я; достаньте мнѣ изъ моего кармана платокъ, ради Бога; я не могу шевельнуться.... О, Боже, Боже! за что я такъ наказанъ?

— Вотъ вамъ платокъ! За что вы наказаны, я вамъ сейчасъ скажу. Вы ревнивы. Основываясь Богъ знаетъ на чемъ, вы бѣгаете какъ угорѣлый, врываетесь въ чужое жилище, производите безпорядки....

— Молодой человѣкъ! Я не производилъ безпорядковъ.

— Молчать!

— Молодой человѣкъ, вы не можете читать мнѣ про нравственность: я нравствѣннѣ васъ.

— Молчать!

— О, Боже мой! Боже мой!

— Производите безпорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знаетъ куда дѣваться отъ страха и, можетъ быть, будетъ больна; беспокоите почтеннаго старца, удрученнаго гемороемъ, которому прежде всего нуженъ покой, — а все отчего? оттого, что вамъ вообразился какой-то вздоръ, съ которымъ вы бѣгаете по всѣмъ закоулкамъ! Понимаете-ли, понимаете-ли, въ какомъ вы скверномъ теперь положеніи? Чувствуете ли вы это?

— Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имѣете права....

— Молчать! Какое тутъ право? Понимаете-ли вы, что это можетъ кончиться трагически? Понимаете-ли, что старикъ, который любить жену, можетъ съума сойти, когда увидитъ, какъ вы будете вылѣзть изъ подъ кровати? Но нѣтъ, вы не способны сдѣлать трагедіи! Когда вы вылѣзете, я думаю, всякъ, кто посмотритъ на васъ, захохочетъ. Я бы желалъ васъ видѣть при свѣчкахъ; должно быть, вы очень смѣшны.

— А вы-то? вы тоже смѣшны въ такомъ случаѣ! Я тоже хочу посмотрѣть на васъ.

— Гдѣ вамъ!

— На васъ, вѣрно, клеймо безнравственности, молодой человѣкъ!

— А! вы про нравственность! А почему вы знаете зачѣмъ я здѣсь? Я здѣсь ошибкой; я ошибся этажемъ.

И чортъ знаетъ, почему меня впустили! Вѣрно она въ самомъ дѣлѣ ждала кого нибудь (не васъ, разумѣется). Я спрятался подъ кровать, когда услышалъ вашу глупую выходку, когда увидѣлъ, что испугалась дама. Къ тому же, было темно. Да и что я вамъ за оправданіе? Вы, сударь, смѣшной, ревнивый старикъ. Вѣдь я отчего не выхожу? Вы, можетъ быть, думаете, что я боюсь выйти? Нѣтъ, сударь, я бы ужъ давно вышелъ, да только изъ состраданія къ вамъ здѣсь сижу. Ну, на кого вы безъ меня здѣсь останетесь? Вѣдь вы будете какъ пень стоять передъ ними, вѣдь вы не найдетесь....

— Нѣтъ, отчего же: какъ пень? Отчего же какъ этотъ предметъ? Развѣ вы не могли съ чѣмъ другимъ сравнить, молодой человѣкъ? Отчего же не найдусь? Нѣтъ, я найдусь.

О, Боже мой, какъ лаеетъ эта собаченка!

— Тс! Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ.... это оттого, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собаченку. Теперь намъ бѣда.

Дѣйствительно, собачка хозяйки, которая все время спала на подушкѣ въ углу, вдругъ проснулась, обнюхала чужихъ и съ лаемъ бросилась подъ кровать.

— О, Боже мой! какая глупая собаченка! прошепталъ Иванъ Андреевичъ, — она насъ всѣхъ выдастъ. Она все выведетъ на чистую воду. Вотъ еще наказаніе!

— Ну, да: вы такъ трусите, что это можетъ случиться.

— Ами, Ами, сюда! закричала хозяйка: — ісі, ісі.

Но собачка не слушалась и лѣзла прямо на Ивана Андреевича.

— Что это, душечка, Амишка все лаеетъ? проговорилъ старичекъ. — Тамъ вѣрно мыши, или котъ-васька сидитъ. То-то, я слышу, что все чихаетъ, все чихаетъ.... А вѣдь у васъки-то сегодня насморкъ.

— Лежите смирно! прошепталъ молодой человѣкъ: — не ворочайтесь! Она можетъ быть, и такъ отстанетъ.

— Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачѣмъ вы ихъ держите?

— Тсс! — молчать!

— Но, помилуйте, молодой человѣкъ; она меня за носъ кусаетъ! Вы хотите, чтобъ я лишился носа.

Послѣдовала борьба, и Иванъ Андреевичъ высвободилъ свои руки. Собачка заливалась отъ лая; вдругъ она перестала лаять и завизжала.

— Ай! закричала дама.

— Извергъ! что вы дѣлаете? прошепталъ молодой человѣкъ; — вы губите насъ

обоихъ! Зачѣмъ вы схватили ее? Боже мой, онъ ее душить! Не душите! Пустите ее! Извергъ! Но вы не знаете послѣ этого сердце женщины! Она насъ выдастъ обоихъ, если вы задушите собачку.

По Иванъ Андреевичъ уже ничего не слыхалъ. Ему удалось поймать собачку, и въ припадкѣ самосохраненія онъ сдавилъ ей горло. Собачонка взвизгнула и испустила духъ.

— Мы пропали! прошепталъ молодой человѣкъ.

— Амишка! Амишка! закричала дама: — Боже мой, что они дѣлаютъ съ моимъ Амишкой? Амишка! Амишка! ісі! О, изверги! варвары! Боже, мнѣ дурно!

— Что такое? что такое? закричалъ старичекъ, вскочивъ съ кресель: — что съ тобой, душа моя? Амишка здѣсь! Амишка, Амишка, Амишка! кричалъ старичекъ, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку изъ подъ кровати. Амишка! ісі! ісі! Не можетъ быть, чтобы тамъ васька съѣлъ его. Нужно высѣчь ваську, мой другъ; его, плута, уже цѣлый мѣсяць не сѣкли. Какъ ты думаешь? Я посовѣтуюсь завтра съ Прасковьей Захарьевной. Но, Боже мой, другъ мой, что съ тобой? Ты поблѣднѣла, охъ! охъ! люди! люди!

И старичокъ забѣгалъ по комнатѣ.

— Злодѣи! Изверги! кричала дама, покотившись на кушетку.

— Кто? кто? кто такой? кричалъ старикъ.

— Тамъ есть люди, чужіе!... тамъ подъ кроватью! О, Боже мой! Амишка! Амишка! что они съ тобой дѣлали?

— Ахъ, Боже мой, Господи! какіе люди! Амишка.... Нѣтъ, люди, люди, сюда! Кто тамъ? кто тамъ? закричалъ старикъ, схвативъ свѣчку и нагнувшись подъ кровать: — кто такой? Люди, люди!..

Иванъ Андреевичъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ, подлѣ бездыханнаго трупа Амишки. Но молодой человѣкъ ловилъ каждое движеніе старика. Вдругъ старикъ зашелъ съ другой стороны, къ стѣнѣ, и нагнулся. Въ одинъ мигъ молодой человѣкъ вылѣзъ изъ подъ кровати и пустился бѣжать, покаместъ мужъ искалъ своихъ гостей по ту сторону брачнаго ложа.

— Боже! прошептала дама, взглянувшись въ молодаго человѣка: — кто же вы такой? А я думала...

— Тотъ извергъ остался, прошепталъ молодой человѣкъ. — Онъ виновникъ Амишкиной смерти.

— Ай! вскрикнула дама.

Но молодой человѣкъ уже исчезъ изъ комнаты.

— Ай! здѣсь кто-то есть. Здѣсь чей-то сапогъ! закричалъ мужъ, поймавъ за ногу Ивана Андреевича.

— Убійца! убійца! кричала дама: — О, Ами! Ами!

— Вылѣзайте! вылѣзайте! кричалъ старикъ, топая по ковру обѣими ногами: — вылѣзайте; кто вы таковы? говорите, кто вы таковы? Боже! какой странный человѣкъ!

— Да это разбойники!...

— Ради Бога, ради Бога! кричалъ Иванъ Андреевичъ, выльзая: — ради Бога, ваше превосходительство, не зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей! это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!... я не такой человек!

Я самъ по себѣ ... Ваше превосходительство, это случилось по ошибкѣ! Я вамъ сейчасъ объясню, ваше превосходительство, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, рыдая и всхлипывая. Это все жена, то есть, не моя жена, а чужая жена, — я не женатъ, я такъ.... Это мой другъ и товарищъ дѣтства....

— Какой товарищъ дѣтства! кричалъ старикъ, топая ногами: — вы воръ, пришли обокрасть.... а не товарищъ дѣтства....

— Нѣтъ, не воръ, ваше превосходительство, я дѣйствительно товарищъ дѣтства.... Я только нечаянно ошибся, попалъ съ другого подъезда.

— Да, я вижу, сударь, вижу, изъ какого подѣзда вы вылѣзли.

— Ваше превосходительство! Я не такой человекъ. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы въ жестокомъ заблужденіи, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что я не могу быть воромъ. Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! кричалъ Иванъ Андреевичъ, складывая руки и обращаясь къ молодой дамѣ: — вы, дама, поймите меня.... Это я умертвилъ Амишку.... Но я не виноватъ; я, ей-Богу, не виноватъ.... Это все жена виновата. Я несчастный человекъ, я пью чашу!

— Да помилуйте, какое же мнѣ дѣло, что вы выпили чашу; можетъ быть, вы и не одну чашу выпили — судя по вашему положенію, оно и видно; но какъ же вы зашли сюда, милостивый государь? кричалъ старикъ, весь дрожа отъ волненія, но дѣйствительно удостовѣрившись, по нѣкоторымъ знакамъ и признакамъ, что Иванъ Андреевичъ не можетъ быть воромъ. — Я васъ спрашиваю: какъ вы зашли сюда? Вы, какъ разбойникъ....

— Не разбойникъ, ваше превосходительство. Я только съ другого подѣзда; право, не разбойникъ! Это все оттого, что я ревнивъ. Я вамъ все разскажу, ваше превосходительство, откровенно разскажу, какъ отцу родному, потому что вы въ такихъ лѣтахъ, что я могу принять васъ за отца.

— Какъ въ такихъ лѣтахъ?

— Ваше превосходительство! Я, можетъ быть, васъ оскорбилъ? Дѣйствительно, такая молодая дама.... и ваши лѣта.... пріятно видѣть, ваше превосходительство, дѣйствительно, пріятно видѣть такое супружество.... въ цвѣтѣ лѣтъ.... Но не зовите людей.... Ради Бога, не зовите людей.... Люди только будутъ смѣяться.... Я ихъ знаю.... То есть, я хочу этимъ сказать, что я знакомъ съ одними лакеями — у меня тоже есть лакеи, ваше превосходительство, и все смѣются.... ослы! ваше сіятельство.... Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю съ княземъ....

— Нѣтъ, не съ княземъ, я, милостивый государь, самъ по себѣ.... Пожалуйста, меня не задабривайте вашимъ сіятельствомъ. Какъ вы попали сюда, милостивый государь? Какъ вы попали?

— Ваше сіятельство, то есть, ваше превосходительство.... извините, я думалъ, что вы ваше сіятельство. Я осмотрѣлся.... я обдумался, — это случается. Вы такъ похожи на князя Короткоухова, котораго я имѣлъ честь видѣть у моего знакомаго, господина Пузырева.— Видите, я тоже знакомъ съ князьями, тоже видѣлъ князя у моего знакомаго: вы не можете принимать меня за того, за кого меня принимаете. Я не воръ. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете людей, что-жъ изъ этого выйдетъ?

— Но какъ вы сюда попали? закричала дама: — кто вы таковы!

— Да, кто вы таковы? подхватилъ мужъ: — а я-то, душенька, думаю, что это васька у насъ подъ кроватью сидитъ и чихаетъ. А это онъ. Ахъ ты потаскунъ, потаскунъ!... Кто вы такой? Говорите же!

И старичокъ снова затопалъ по ковру ногами.

— Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамѣсть вы кончите.... Внимаю вашимъ остроумнымъ шуткамъ. Что же касается до меня, то это смѣшная исторія, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу. Это можетъ все и безъ того объясниться, то есть, я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! Поступите со мной благороднымъ образомъ.... Это ничего, что я посидѣлъ подь кроватю.... я не потерялъ этимъ своей важности. Это исторія самая комическая, ваше превосходительство! вскричалъ Иванъ Андреевичъ, съ умоляющимъ видомъ обращаясь къ супругѣ; — особенно вы, ваше превосходительство, будете смѣяться! Вы видите, я унижаюсь, я самъ добровольно унижаюсь. Конечно, я умертвилъ Амишку, но.... Боже мой, я не знаю что говорю!

— Но какъ же, какъ вы зашли сюда?

— Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою... Винавать! простите меня, ваше превосходительство! Униженно прошу извиненія! Я только оскорбленный мужъ, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтобъ я былъ любовникъ: я не любовникъ! Ваша супруга очень добродѣтельна, если осмѣлюсь такъ выразиться. Она чиста и невинна!

— Что? что? что вы осмѣливаетесь говорить? закричалъ старикъ, снова затопавъ ногами. — Съ ума вы сошли, что ли? Какъ вы смѣете говорить про жену мою?

— Этотъ злодѣй, убійца, который умертвилъ Амишку! кричала супруга, заливаясь слезами. — И онъ еще смѣетъ!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! я только заврался, кричалъ оторопѣвшій Иванъ Андреевичъ: — я заврался и больше ничего! Считайте, что я не въ своемъ умѣ.... Ради Бога, считайте, что я не въ своемъ умѣ.... Честью клянусь вамъ, что вы мнѣ сдѣлаете чрезвычайное одолженіе. Я бы подаль вамъ руку, но я не смѣю подать ее.... Я былъ не одинъ, я дядя.... т. е. хочу сказать, что меня нельзя принять за любовника.... Боже! я опять завираюсь.... Не обижайтесь, ваше превосходительство, кричалъ Иванъ Андреевичъ супругѣ. Вы дама, вы понимаете, что такое любовь, — это тонкое чувство.... Но что я? опять завираюсь! т. е. я хочу сказать, что я старикъ, — т. е. пожилой человѣкъ, а не старикъ, — что я не могу быть вашимъ любовникомъ, что любовникъ есть Ричардсонъ, т. е. Ловеласъ.... я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человѣкъ и знаю литературу. Вы смѣтаетесь, ваше превосходительство! Радъ, радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ, ваше превосходительство. О, какъ я радъ, что *провокировалъ* смѣхъ вашъ!

— Боже мой! Какой смѣшной человѣкъ! кричала дама, надрываясь отъ хохота.

— Да, смѣшной, и какой запачканный, заговорилъ старикъ, въ радости, что смѣялась жена. — Душечка, онъ не можетъ быть воромъ. Но какъ онъ зашелъ сюда?

— Дѣйствительно странно! дѣйствительно странно, ваше превосходительство, на романъ похоже! Какъ? въ глухую полночь, въ столичномъ городѣ, человѣкъ подь

кроватью? Смѣшно, странно! Ринальдо-Ринальдини, нѣкоторымъ образомъ. Но это ничего, все это ничего, ваше превосходительство. Я вамъ все расскажу.... А вамъ, ваше превосходительство, я новую болонку достану.... удивительная болонка! Эдакая шерсть длинная, ножка коротенькая, двухъ шаговъ пройти не умѣтъ: побѣжить, запутается въ собственной шерсти и упадетъ. Сахаромъ только однимъ кормить. Я вамъ принесу, ваше превосходительство, я вамъ непременно ее принесу.

— Ха, ха, ха, ха, ха! Дама металась изъ стороны въ сторону на диванѣ отъ смѣха. — Боже мой, со мной сдѣлается истерика! Охъ, какой смѣшной!

— Да, да! ха, ха, ха! кхи, кхи, кхи! смѣшной, запачканный такой, кхи, кхи, кхи!

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастливъ! Я бы предложилъ вамъ мою руку, но я не смѣю, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, но теперь открываю глаза. Я вѣрю, моя жена чиста и невинна! Я напрасно подозрѣвалъ ее.

— Жена, его жена! кричала дама, со слезами на глазахъ отъ хохота.

— Онъ женатъ! не-уже-ли? Вотъ бы я никакъ не подумалъ! подхватилъ старикъ.

— Ваше превосходительство, жена — и она всему виновата т. е. это я виноватъ: я подозрѣвалъ ее; я зналъ, что здѣсь устроено свиданіе, — здѣсь наверху; я перехватилъ записку, ошибся этажемъ и лежалъ подъ кроватью....

— Хе, хе, хе, хе!

— Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха, ха! захохоталъ наконецъ Иванъ Андреевичъ. — О, какъ я счастливъ! О, какъ умилительно видѣть, что мы всѣ такъ согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! Я въ томъ почти увѣренъ. Вѣдь непременно такъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха, кхи, кхи! Знаешь, душечка, это кто? заговорилъ, наконецъ, старикъ, освобождаясь отъ смѣха.

— Кто? Ха-ха-ха! кто?

— Это та хорошенькая, что глазки дѣлаетъ, съ франтикомъ которая. Это она! Я бьюсь объ закладъ, что это жена его!

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я увѣренъ, что это не та; я совершенно увѣренъ.

— Но, Боже мой! Вы теряете время, закричала дама, переставъ хохотать. — Бѣгите, ступайте на верхъ. Можетъ быть вы ихъ застанете....

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, я увѣренъ заранѣе. Она теперь дома! А это я! Я только ревнивъ и болѣе ничего.... Какъ вы думаете, неужели я ихъ застану тамъ, ваше превосходительство?

— Ха, ха, ха!

— Хи, хи, хи! Кхи, кхи!

— Ступайте, ступайте! А когда пойдете назадъ, такъ прійдите рассказать, кричала дама: — или нѣтъ: лучше завтра утромъ, да приведите и ее; я хочу познакомиться.

— Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непремѣнно приведу; очень радъ познакомиться. Я счастливъ и радъ, что все такъ неожиданно кончилось и развязалось къ лучшему.

— И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!

— Принесу, ваше превосходительство, непременно принесу, подхватилъ Иванъ Андреевичъ, снова вбѣжавъ въ комнату, потому что уже было раскланялся и вышелъ. — Непремѣнно принесу. Такая хорошенькая! точно ее кондитеръ изъ конфетовъ сдѣлалъ. И такая: пойдеть — въ собственной шерсти запутается и упадетъ. Такая, право! Я еще женѣ говорю: „что это, душечка, она все падаетъ?“ — Да, маленькая такая! говорить. Изъ сахару, ваше превосходительство, ей Богу, изъ сахару сдѣлана! Прощайте, ваше превосходительство, очень радъ познакомиться.

Иванъ Андреевичъ откланялся и вышелъ.

— Эй, вы! милостивый государь! Постойте, воротитесь опять! закричалъ старичокъ вслѣдъ уходившему Ивану Андреевичу.

Иванъ Андреевичъ въ третій разъ вернулся.

— Я, вотъ, васьки-кота все не отыщу. Не встрѣчались ли вы съ нимъ, когда подъ кроватью сидѣли?

— Нѣтъ, не встрѣчался, ваше превосходительство; впрочемъ, очень радъ познакомиться. И почту за большую честь....

— У него теперъ насморкъ, и все чихаетъ, все чихаетъ! Его надо высѣчь!

— Да, ваше превосходительство, конечно; исправительныя наказанія необходимы съ домашними животными.

— Что?

— Я говорю, что исправительныя наказанія, ваше превосходительство, необходимы для водворенія покорности въ домашнихъ животныхъ.

— А!... Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, я только объ этомъ.

Вышедъ на улицу, Иванъ Андреевичъ стоялъ долгое время въ такомъ положеніи, какъ будто ожидалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ. Онъ снялъ шляпу, отеръ холодный потъ со лба, зажмурился, подумалъ о чемъ-то и пустился домой.

Каково же было его изумленіе, когда дома онъ узналъ, что Глафира Петровна уже давно пріѣхала изъ театра, уже давно какъ у ней разболѣлись зубы, какъ послала за докторомъ, какъ послала за пиявками, и какъ она теперь лежитъ въ постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иванъ Андреевичъ ударилъ себя сначала по лбу, потомъ приказалъ подать себѣ умыться и почиститься, и, наконецъ, рѣшился идти въ спальню жены.

— Гдѣ это вы, проводите время? Посмотрите, на кого вы похожи? На васъ лица нѣтъ! Гдѣ это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умираетъ, а васъ не сыщутъ по городу. Гдѣ вы были? Ужъ не опять-ли меня ловили, хотѣли разстроить свиданіе, которое я знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы мужъ! Скоро пальцами указывать будутъ!

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ.

Но тутъ онъ почувствовалъ такое смущеніе, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ и прервать начатую рѣчь, затѣмъ, что неоставало ни словъ, ни мысли, ни духа.... Каково же было его изумленіе, страхъ, ужасъ, когда вмѣстѣ съ платкомъ, выпалъ изъ кармана покойникъ Амишка? Иванъ Андреевичъ и не замѣтилъ, какъ, въ порывѣ отчаянія, принужденный вылѣзть изъ-подъ кровати, сунулъ Амишку, въ припадкѣ безотчетнаго страха, въ карманъ, съ отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступленія и избѣгнуть такимъ образомъ заслуженнаго наказанія.

— Что это? закричала супруга: — мертвая собаченка! Боже! Откуда.... Что это вы?... Гдѣ вы были?... Говорите сейчасъ, гдѣ вы были?..

— Душечка! отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ, помертвѣвъ болѣе Амишки: — душечка....

Но здѣсь мы оставимъ нашего героя, — до другого раза, потому что здѣсь начинается совершенно особое и новое приключеніе. Когда нибудь мы доскажемъ, господа, всѣ эти бѣдствія и гоненія судьбы. Но согласитесь сами, что ревность — страсть непростительная, мало того: даже — несчастіе!...